

УДК 821.111(73)

МАГДАЛЕНА БУЛИНЬСКА
(Гданск, Польща)**ТОНИ МОРРИСОН, ГЛОРИЯ НЕЙЛОР
И ЦОТАКЕ ШАНГЕ – УНИКАЛЬНЫЙ
ОПЫТ, УНИКАЛЬНЫЙ СТИЛЬ***Ключові слова: наративні стратегії, стиль, афроамериканські письменниці, магічний фемінізм.*

Хотя рабство было отменено в 1856 году, только спустя сто лет афроамериканские женщины смогли говорить и писать о своей травме, делиться своим жизненным опытом, своим прошлым, самовыражаться. В этой статье речь пойдет о развитии афроамериканского женского писательства, которое лучше всего выразилось в магическом феминизме, жанре, который в этой публикации детально рассматривается. В данной работе исследуются стиль, язык и особые стратегии повествования афроамериканских писательниц с цитатами из их работ.

Всё это началось в 1970 году, когда возникло литературное движение чернокожих женщин. Чернокожие женщины хотели выражать свое мнение и взгляды среди чернокожего населения наравне с мужчинами. Целью движения было преодоление стереотипов, установленных гетеросексуальными мужчинами из крупных городов, а также чернокожими националистами, которые считали себя единственными и подлинными выразителями афроамериканских ценностей [7, с. 1]. Женщины начали открывать свою собственную литературную традицию, самоидентификацию, начало которой положили Зора Ниль Хэрстон и Анна Пэтры. Их писательство имело политический характер в том смысле, что в нем содержались взгляды феминизма и эмансипации женщин, а также их собственный жизненный опыт. В своих текстах они выступали против различного рода стереотипов, например, идеализированного образа Черной Матери или Черной Богини, популяризированных чернокожими писателями. Это было нечто большее, чем способ выразить себя – это была попытка найти или, скорее, отыскать смысл афроамериканскости [1, с. 10].

Элис Уокер сделала шаг вперед и постулировала, что уникальность опыта афроамериканских женщин, выраженная в литературе, заслуживет нового определения и должна быть отличима от аксиом, опыта и впечатлительности белых феминисток [6, с. 14–15]. Первая и вторая волны феминизма боролись против шовинизма и полового неравенства, но они абсолютно не обращали внимания на расу. Чтобы определить новую форму феминизма, Э. Уокер придала ему название “womanist” т. е. женфеминизм. Она определила понятие “womanist” как касающиеся опыта цветных людей.

Протагонистами были женщины, постоянно оскорбляемые, но умеющие сохранить свою независимость, культурную самобытность и ощущение содружества со своей этнической группой. Это движение объединяло писательниц, которые имели сильные связи друг с другом. Среди них, кроме

Элис Уокер, были такие, как Майя Ангелоу, Соня Санчес, Оудрей Лорд, Пауля Маршал, Джун Джордан. Эти писательницы не идеализировали черного общества, и хотя расизм все еще был одной из основных тем, но во главе не была уже большая политика, а внутренние проблемы чернокожего сообщества и их личная жизнь.

В 80-ые годы афроамериканские писательницы нашли новый язык для выражения своих взглядов. На них большое влияние оказала так называемая третья волна феминистского движения, которая обнаружила проблемы цветных женщин. Они разделяли мнения белых фемисток насчет писательства, которое, по их мнению, должно не только показывать их опыт, но также восстанавливать их литературную традицию и культурные ценности. Женщины в общем, а женщины-писательницы в частности, должны также осуждать патриархальный тип культуры, влияющий на их жизнь. Эти проблемы должны быть наполнены как этническими, так и расовыми вопросами, а также свидетельством рабства и эксплуатационной колониальной системы.

Дебора Макдауэлл в своём эссе, опубликованном в 1980 году, утверждает: «Чернокожие писательницы не только «отсутствовали» в литературной критике, касающейся женского писательства, создаваемого белыми женщинами-литературоведами, но также довольно часто их не было в афроамериканской литературной традиции, создаваемой чернокожими литературоведами, по большей части мужчинами» [3, с. 153].

Макдауэлл рассматривает также основные вопросы замкнутости афроамериканских писательниц. Она отрицает мнение, что если эти писательницы заслуживают новый литературный канон и новые методы исследования, им одновременно нужен такой круг читателей, который будет разделять их взгляды и опыт. Их писательство затрагивает три основных вопроса: расы, пола, общественного слоя и, в связи с этим, может считаться глубоко универсальным и всеобъемлющим. Это не только поиски собственной самоидентификации, но также возможность изобразить это в литературе, что, конечно же, в свою очередь, должно вызвать чувство чуткости у читателей, независимо от того, кто высказывает эти мнения.

И хотя они очень высоко ценили афроамериканскую культуру и традицию, всё-таки не считали себя выразителями афроцентризма, который популяризировался движением «Возвращение в Африку». Эти писательницы заново открыли черноафриканский фольклор, мифы, легенды, музыку (блюз, баллады, проповеди и т. д.), но также традиционные ценности, такие как общественные связи. Однако важнейшим признаком нового тренда в писательстве женщин была новая перспектива, принятие новой системы ценностей. Это соединение рационального евроамериканского способа мышления с американским мировоззрением, которые включают в себя суперестественный и магический образ действительности, в котором значительную роль играют обряды и торжественные церемонии, передаваемые из поколения в поколение. Естественное переплетается со сверхъестественным, рациональное с иррациональным. Главной темой произведений, написанных именно в таком стиле, является афроамериканская женская индивидуальность. Составляющими этой самоидентификации яв-

ляются как общественная история, так и личная (или скорее ее история – “her stories”), традиционные женские занятия, передаваемые из уст в уста мифы и легенды. Именно такая стратегия ставит себе целью сделать эти традиции доступными современным читателям, особенно молодым афроамериканцам, так, чтобы они смогли открыть все богатство, все разнообразие африканской и афроамериканской культур, так, чтобы сохранить связь со своими предками и своим сообществом.

Современные афроамериканские писательницы обращаются также к евроамериканской культуре и литературной традиции и, таким образом, открывают свое творчество перед иностранным читателем. Однако, чтобы правильно понять эти тексты, от читателя требуется соответствующая подготовка. Читатели должны обладать как историческими, так и антропологическими знаниями, чтобы усвоить всю символику этих текстов. Афроамериканские писательницы считают, что их творчество неразрывно связано с их личным опытом и историей сообщества, что надо принимать во внимание, читая и интерпретируя эти тексты. Эти тексты являются продуктом особенных социальных, исторических и культурных условий и подвергаются влияниям политических, гендерных и расовых факторов [6, с. 13]. “Herstory” является ключевым термином для понятия характера афроамериканского женского писательства. Он является альтернативой как для истории, описываемой в мужской литературе, так и общепринятой истории. “Herstory” прославляет исключительность опыта индивидуальности, которая часто является лучшим свидетельством событий, чем та, которая кажется объективной.

Современные афроамериканские писательницы соединяют постулаты феминизма с этноцентризмом. Это доказывает, что канон американской литературы все изменяется и он далек от монолитного, однокультурного, однополового образца, который был доминирующим до 60-ых годов. Афроамериканские писательницы являются носителями культуры, и, таким образом, они помогают строить мосты между прошлым, настоящим и будущим афроамериканцев и евроамериканцев. Их творчество является политическим, но, несмотря на это, отличается высочайшей художественной ценностью и поднимает универсальные проблемы.

Современная афроамериканская женская литература рождается вследствие столкновения двух культур. Гибридный характер этих текстов требует употребления определенных повествовательных стратегий, способствует развитию исключительного стиля и языка данного писательства. Здесь реалистическая конвенция переплетается с магическими элементами. С одной стороны, передаются устные истории, легенды и мифы, например, писатели часто используют мифологию Йоруба и часто обращаются к африканским и афроамериканским обрядам, таким как “voodoo” или “Santeria”. Мифы и легенды часто принимают форму интерсексуальной аллюзии. Что касается магических элементов, самым важным является присутствие в них духов. Они являются неотъемлемой частью повествования и сосуществуют с другими персонажами на равных правах. Например, в романе «Возлюбленная» Тони Моррисон главная героиня – это молодая женщина, которая появляется в доме Сэти, Денвер и Поля. На протяжении действия

читатель узнает, что эта женщина является олицетворением маленькой дочери Сэти, которую она убила, чтобы спасти ее перед захватом и жизнью в рабстве. Присутствие Возлюбленной не подлежит сомнению, она ведет себя как реальное лицо и к ней относятся так же, как к живому человеку. Очередная совокупность магических элементов – это сверхъестественная сила и способности, которыми наделены женские персонажи. Это, например, возможность предвидеть будущее, способность приготовить еду и напар с лечебными свойствами, которые смогли бы влиять на людей. Так как понятие зла в африканской космологии сильно отличается от библейского, которое доминирует в европейском мировоззрении, ведьмы в африканской литературе часто бывают положительными и помогают своему сообществу. Как утверждает Кимберли Энн Уеллс, главной характерной чертой магического феминизма является присутствие сильных женских персонажей, обладающих мощными сверхъестественными способностями. Это может быть как шаманка, так и ведьма или знахарка. В своей работе под заглавием *“Screaming, Flying, and Laughing: Magical Feminism’s Witches In Contemporary Film, Television, and Novels”* Кимберли Энн Уеллс утверждает, что магический феминизм является широкой эстетической категорией, которая совмещает в себе не только литературу, но также фильм, искусство и поп-культуру. И ведьма является здесь главной метафорой, выражающей освобождение женщин из-под патриархальной диктатуры и их сопротивление против сексизма [9, с. 3]. Сверхъестественные способности женщин так же важны, как их мануальные способности, проявляющиеся, например, в искусстве шитья или приготовления пищи. Все традиционно женские профессии приобретают высокий статус и пользуются признанием и уважением.

Другая парадигма магического афроамериканского феминизма – это соединение различных литературных приемов. Исчезает деление литературы и культуры на низкую и высокую, все жанры пользуются равным статусом. Одним словом, самыми популярными литературными формами в афроамериканском магическом феминизме являются сентиментальный роман, письмо, поэма, кулинарный рецепт, формулы магических ритуалов и т. под.

Кроме магических элементов в нем присутствует и реалистическая конвенция, целью которой является обнаружить наиболее трагические события, травмы, которые переживают героини, особенно домашнее насилие, кровосмесительство, с которыми они должны бороться.

Афроамериканские писательницы считают это главной проблемой афроамериканских женщин в период после отмены рабства.

В романе Тони Моррисон «Самые голубые глаза» (Morrison, 2014) появляется Пекола, молодая девушка, которую изнасиловал отец, она забеременела, и в результате ей приходится одновременно вынашивать своего ребёнка и переносить осуждение людей. Это безвыходное положение приводит ее к безумству. В других романах Моррисон изнасилования описываются таким же документальным образом, и в них обвиняются как белые, так и черные мужчины, рабовладельцы, а иногда и члены семьи. Обиды, которые терпели чернокожие женщины, слишком жестоки, чтобы стать частью этого магического мира, они никогда не становятся объектом насмешки, тривиаль-

ности, а на фоне этого магического мира они приобретают еще большую силу воздействия.

Таким образом нам удалось обсудить темы и повествовательные приемы, применяемые чернокожими писательницами. А теперь я хотела бы уделить больше внимания своеобразному стилю и языку их творчества. Я уже упоминала, что они пишут "herstories", они делятся с читателями своим опытом и отводят особое место устным передачам, которые и есть суть их культуры. Кроме того, сочетание различных жанров и способов писательства, а также применение разных литературных форм оказывают влияние как на стиль, так и на язык произведений.

Их работы соединяют в одно высокую и низкую культуры, и по тому же принципу соединяется и язык произведений: тот, который в афроамериканской культуре считается литературным языком, с разговорным языком и даже сленгом.

Язык афроамериканских писателей, в частности женщин, является одним из основных способов передачи их личного опыта. Это наиболее прослеживается в языке диалогов, которые насыщены фразами разговорного языка, часто содержатся в них вульгаризмы и аббревиатуры. Этот язык до такой степени реалистичен, что читателю трудно будет расшифровать и воспринять некоторые слова, но, несмотря на это, он чувствует его естественность, лишённую малейшей искусственности, и тогда он станет вполне доверять тексту.

А вот несколько примеров, взятых из романов. В романе Тони Моррисон «Песнь Соломона» есть разговор между главным героем Молочником и его другом Гитарой относительно происхождения странного имени и фамилии дедушки Молочника:

(...) "Uh uh. How?"

"Cracker gave it to him".

"Sho'nough?"

"Yep. And he took it. Like a fuckin sheep. Somebody should have shot him".

"What for? He was already Dead".

(...) «Нет. Как он ее заполучил?»

«Ему ее придумал один белый подонок».

«Да ну? И он даже не стал спорить?»

«Нет, не стал. Как овца: поставили ему клеймо, а он и не смекнул. Захотел бы кто его убить – убил бы».

«На кой? Он ведь и так Помер».

С другой стороны, Тони Моррисон применяет изысканный язык, насыщенный метафорами и сравнениями. А теперь проанализируем другой отрывок из «Песни Соломона», в котором повествователь изображает мысли Молочника, касающиеся роли имен, так как имя не просто слово, но оно тождественно человеку: «Вне всякого сомнения, размышлял он, у них с сестрой был предок – стройный, гибкий молодой человек, с кожей цвета оникса и ногами, как стебли бамбука, и у него было настоящее имя. Имя, выбранное ему при рождении вдумчиво и с любовью. Имя, а не шуточка, не маска и не позорная кличка. Но чем он занимался, этот стройный моло-

дой человек, и по каким краям носили его ноги, подобные стеблям бамбука, никто и никогда не узнает» [4, с. 39].

В прозаических произведениях Глории Нэйлор язык является одним из самых важных средств для характеристики персонажей. В одном из самых известных романов Глории Нейлор под заглавием «Мама Дэй» действие происходит на острове, где герои создали свой собственный язык, который является специфическим секретным кодом. В нем обилие разговорных выражений, шуток, понимаемых только ими, и прозвищ, которыми лишь они пользуются. Однако когда действие происходит вне острова, Глория Нэйлор совсем изменяет языковой регистр, приспособив его к людям и обстоятельствам, в каких он применяется. Например, Мама Дэй, знахарка и акушерка, спасая жизнь своей пациентке Бернис, говорит: «Ну знаешь, это будет немножко некомфортно, но ты должна сотрудничать со мной, ясно? А теперь держи ноги вверх и расслабься» [5, с. 75]. С другой стороны, Джордж, муж главной героини, аутсайдер, «человек, так сказать, из другого мира», говорит языком, который отличается от употребляемого на острове. Он обращается к жене следующим образом: “You were one of the youngest – and most evenhanded- bigots I had ever met. The bagels were definitely in power, which was fine with you, but given the population breakdown it was only a matter of time before the spare ribs took over – either us or the oles would be calling the shots in Gracie Mansion pretty soon.” («Ты одна их самых молодых и уравновешенных ханжей, с которой мне пришлось когда-либо встретиться. Власть была в руках бубликов, с чем ты была согласна, но, учитывая падение населения, это было лишь делом времени, когда власть окажется в руках ребрышек – или мы, или пожилые в скором времени будут раздавать карты в Gracie Mansion») [5, с. 62].

Творчество Цотаке Шанге отличается поэтическим, изысканным, утонченным стилем, который переплетается с разговорным языком, коллоквиализмами и т. п. Итак, давайте рассмотрим теперь само начало наиболее известного романа “Sassafrass, Cypress and Indigo”: «Где есть женщина, там есть и магия. Если луна вытекает из её губ, то она вполне осознает свою магию и она может делиться или не делиться своей мощью. Женщина с лунной, вытекающей из ее уст, розами между ногами и венком из испанского мха – такая женщина является партнершей духов» [8, с. 3].

В структуре текста включаются стихи, как представлено ниже:

natural dye/ sassafrass/ so strong & even / go good
with deep fertile greens/ & make tea to temper chilly
evenings / i'm a weaver with my sistahs from any
earth & fields / we always make cloth/ love our
children / honor our men/ who protect us from our
enemies / we prepare altars & anoint candles to offer
our devotion to our guardians / we proffer hope / [8, с. 92].

Романы Шанге отличаются обилием сленговых выражений, а язык повествования является важным средством характеристики персонажей. Это видно в способе обращения матери главных героев со своими детьми, например, она говорит: «Давайте, заходите и садитесь ... Миранда наверняка

обладает шестым чувством. Она всегда знает, когда я хочу увидеть моих маленьких доченек» [8, с. 9]. Язык уведомляет читателя о статусе героя, но также дает информацию о взаимосвязях персонажей. Язык здесь часто близок специфическому коду, которым пользуются герои, это своеобразный вид речи, понятной только узкому кругу посвященных лиц, в этом случае членов семьи. Это напоминает концепцию, выработанную Гелен Сизу, которая получила наименование *Écriture féminine*. Согласно ей, женщины, которые много пережили, много страдали из-за патриархального оскорбления, создали способ писания и высказывания – «телесное письмо», которое подчеркивает значение воссоединения с материнским телом. Тем самым они отказываются от стиля и способа, который опирается на фаллическое наслаждение, и одновременно отрицают законы, навязанные мужчинами обществу. Женщины используют в своем писании «белые чернила» – возврат к самому началу, материнскому телу, к грудному молоку, который символизирует язык, являющийся манифестом самоидентификации. Это естественный язык без малейшей искусственности, изысканности, но он очень личный, четкий, наполнен душевностью [2, с. 38].

Подытожим. Афроамериканские писательницы создали исключительную эстетику, которая проявляется, главным образом, в избранном ими жанре, который называется магическим феминизмом и который является видом магического реализма в феминистических текстах. Во-вторых, вышеуказанные писательницы затрагивают особый круг вопросов – половая и расовая идентификация, мультикультуризм, насилие и травмы, связанные с рабством. Таким образом, они создают правдоподобный и реалистичный портрет жизни цветных женщин, проживающих в обществе, в котором господствуют принципы и законы, установленные белыми мужчинами. Исключительный опыт этих женщин отражается также в стиле и языке их текстов, которые, с одной стороны, наполнены разговорными и сленговыми выражениями, а также прозвищами и вульгаризмами, а с другой – им сопутствуют изысканные, а даже утонченные и поэтические отрывки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Evans M. Black Women Writers: a critical evaluation / Mari Evans. – New York : Anchor Press, Doubleday, 1984. – 576 p.
2. Hoctor K. White ink: the body and écriture féminine in Toni Morrison's *Beloved* [Electronic resource] / Hoctor Kati Emile. – College of Liberal Arts & Social Sciences Theses and Dissertations. DePaul University Paper. – URL: <http://via.library.depaul.edu/etd/151> (accessed on 22.02.2016).
3. McDowell D. New Directions for Black Feminist Criticism / Deborah McDowell // *Black American Literature Forum*. – 1980. – Vol. 14. – № 4. – Saint Louis : Saint Louis University Press. – P. 153–159.
4. Morrison T. *Song of Solomon* / Toni Morrison. – New York City : Everyman's Library, 1995. – 337 p.
5. Naylor G. *Mama Day* / Gloria Naylor. – London : Vintage, 1990. – 312 p.
6. Penier I. *Literatura etniczna i kobiety* [Electronic resource] / Izabella Penier // *Ameryka: społeczeństwo, kultura, polityka. Część 2: kultura*, Tomasz Płudowski, ed. (accessed on 09.09.2015).
7. Purkayastha M. *Foregrounding Herstories* [Electronic resource] / Madhumita Purkayastha. // *Black Women's Literary Movement*, Department of English D.H.S.K. College

Dibrugarh, Assam, . URL: https://www.academia.edu/5716067/_Foregrounding_Her_stories_Black_Womens_Literary_Movement. (accessed on 04.02.2015).

8. Shange N. Sassafrass, Cypress and Indigo / Ntozake Shange. – New York : S. Martin's Press, 1982. – 224 p.

МАГДАЛЕНА БУЛИНЬСКА

**ТОНИ МОРРИСОН, ГЛОРИЯ НЕЙЛОР И ЦОТАКЕ ШАНГЕ –
УНИКАЛЬНЫЙ ОПЫТ, УНИКАЛЬНЫЙ СТИЛЬ**

В статье анализируется творчество современных афроамериканских писательниц, особое внимание отводится изучению особенностей стиля и классификациям повествовательных стратегий. Стилиевой доминантой в анализируемых работах является тема женщины в мире рабства и жизнь с травмой от рабства. Рассматривается конфликт мировидения между традиционным африканским и европейским, а также американским способом жизни. Особенность такого опыта лучше всего воспроизводится посредством магического феминизма.

Ключевые слова: повествовательные стратегии, стиль, афроамериканские писательницы, магический феминизм.

MAGDALENA BULIŃSKA

**MORRISON, NAYLOR AND SHANGE: FEMALE EXPERIENCE,
FEMALE LANGUAGE**

The article deals with the introduction of female language of Morrison, Naylor and Shange. The aim of the article is to express the new trend in women writing was the new perspective, the acquisition of a new system of values. The scholars such as M. Evans, K. Hoctor, D. Mc Dowell pay the attention at the literary forms common in Afro-American magical feminism: sentimental novels, letters, recipes, poems, magical formulas. This research shows that Afro-American female writers developed a unique aesthetics which manifests itself primarily in the genre they prefer, which is called magical feminism and is a version of magical realism in feminocentric texts. Secondly, the writers in question take up a specific array of themes such as racial and gender identity, multiculturalism, violence and trauma of slavery and in this way they build a coherent and relevant image of lives of colored women in a society which plays by the rules established by white males. Their unique experience is also rendered in the style and language of their texts which are abundant in colloquial and slang expressions, nicknames and vulgarisms which accompany refined, even sophisticated and poetical passages.

Key words: narrative strategies, style, Afro-American female writers, magical feminism.

Одержано 16.06.2016 р.